

ПЁТР КОМАРОВ

Зея

Никогда в такой грозе я	Как трясла их злая качка,
Не видал еще реки:	Где стремнина глубока,
В берега стучится Зея,	Как даурская рыбачка
Ординару вопреки.	Поджидала рыбака...
Не из царства ли Бохая,	У забытого причала
В новый век устремлена,	Я бы слушал допоздна,
Белой гривой польхая,	Что волна мне отвечала,
По камням бежит она?	Да растаяла волна.
К ней сегодня подойду я,	Отошла, утихла буря.
Молча на берег взгляну	Только ветер верховой,
И подслушаю седую	С тальниками балагура,
Непокорную волну:	Шелестит над головой.
Как над нею среди ночи,	Да белеют из тумана
Нависая, плыл туман,	Ветви яблонь у воды:
Как по ней гребные кочи	Это внуки атамана
Вел Поярков-атаман,	Здесь раскинули сады.

К началу XVII века Приамурье являло собой слабозаселённую территорию. На огромном пространстве от устья Шилки до берегов Тихого океана и от Амура до сумрачных громад Станового хребта обитало не более 35–40 тысяч человек.

Самым крупным племенем были дауры, поделённые на княжества (Лавкая, Десаула, Туйгудара, Толчи и др.) и дючеры (общая численность примерно 10 тысяч человек). Граница их расселения проходила в междуречье Зеи и Буреи. В верховьях Зеи, Буреи и Амгуни кочевали эвенки (не более 4 тысяч человек). Кроме того, жили натки, гиляки, потомки нивхов и тунгусы.

С XVII века начинается постепенное проникновение из Сибири русских первопроходцев. Центром русских владений был г. Якутск. Но суровые климатические условия и, как следствие, невозможность выращивания сельскохозяйственной продукции, заставляли изучать перспективы присоединения более благоприятных южных территорий.

Первой экспедицией на юг была отправлена группа под руководством В.Д. Пояркова в составе 133 человек, но она была неудачна из-за слабой организации и враждебного отношения местного населения. Хотя Поярков достиг берегов Амура, большая часть его соратников погибла.

Более успешной оказалась экспедиция Е.П. Хабарова, под предводительством которого «охочие люди» разных сословий достигли места слияния двух могучих дальневосточных рек: Амура и Зеи. В 1653 году здесь был заложен острог.

На краю России

Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропой маньчжура
Ты пугал меня, край лесной.
Ни церквей на холмах зеленых,
Ни плакучих берез в полях —
Только кедры на горных склонах,
Где за сободем шел гиляк.
Но сейчас, кого ни спроси я,
Все ответят наперебой:
Ты и здесь обжилась, Россия,
С неподкупной своей судьбой!
Дни летят косяком гусиным...
Сопки. Мари. Тайга. Вода.
С Ерофеем — крестьянским сыном
Ты из Вологды шла сюда.
На чукотский всходила берег,
Где туманы плывут с утра,

Где над скалами поднял Беринг
Государственный флаг Петра.
Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрый именем помянуть!
Не найдешь той минуты краше,
Когда люди сказать смогли:
Все здесь русское, все здесь наше
От Москвы до конца земли...
Где-то есть, под Рязанью, что ли,
Не такие, как здесь, места:
За селом — с васильками поле,
Неба звонкая высота.
Что же, пусть небеса другие
Опускаются надо мной —
Ты и здесь мне мила, Россия,—
Край суровый мой, край родной!

Нерчинский договор 1689 года между Россией и Цинской империей почти на 200 лет приостановил освоение русскими людьми Приамурья.

Долгое время Амур считался несудоходной рекой, думали, что на востоке его устье теряется в песках. Благодаря поддержке Н.Н. Муравьева, прозванного позднее Амурским, генерал-губернатора Восточной Сибири, были организованы экспедиции под руководством Г. Невельского (1849–1855 гг.) и открыт выход Амура в Тихий океан.

В заливе Счастья

Шапку сняв на твоём берегу,
Я напомию тебе пилигрима,
Но прибрежного кустика мимо,
Как чужой, обойти не смогу.
Я губами к воде припаду,
Если воздух полуденный жарок,
Постою у тебя на виду,
Распугав куликов-камышарок.
Может, так же стоял день-деньской,
Не сказав ни единого слова,
У Петровской косы Невельской,
Чья звезда поднимается снова.
Он сюда пробирался не зря,
И легенда рождалась в народе,

Как нарушил он волю царя
И суровый запрет Нессельроде.
Сколько писем, доносов, угроз
Он оставил тогда без вниманья,
Чтобы знамя России взвилось
Над волною в Амурском лимане!..
Ни жилья за спиной, ни дымка.
Только ветер шалит над заливом.
Двадцать лет стерегли моряка,
Но тогда он был самым счастливым.
Пусть и я на твоём берегу
Не увижу рыбацкого дыма,—
Я прибрежного кустика мимо,
Как чужой, обойти не смогу.

В лесной стороне

Наш дом стоял один среди лесов.
Мы по утрам угадывали рано
Тоскливый голос дикого гурана
В недружном хоре прочих голосов.
Кричал фазан под окнами, и бойко
Кого-то передразнивала сойка.
Отец вставал и выходил во двор
И торопливо возвращался снова:
— К нам гость пришел из логова лесного! —
И проверял берданочный затвор.
В тот год частенько из тайги осенней
Лисица к нам навевывалась в сени.
О ней ли говорил тогда отец
Иль о другом шатающемся звере,
Что нас, как вор, подслушивал у двери
И за углом скрывался наконец?..
Здесь я провел мальчишеские дни,
Ходил по марям пьяной голубицы,
Где лисий хвост, как желтый дым, клубится,

А в синем небе — коршуны одни.
И много лет не зарастала тропка,
Где мы с отцом бродили неторопоко,
Где вечерами крики вещей сов,
Сверлящих тьму своим кошачьим оком
Меня пугали в детстве одиноком —
Неопытного жителя лесов...
Ты и сейчас, лесная сторона,
Вдруг прозвенишь синицей у окна.
К тебе прикован молчаливым взглядом
Я не один из верных сыновей
Свою судьбу соединил с твоей
И жизнь свою с твоей поставил рядом
С холмов, напоминанием о лете,
Мне и сейчас протягивает плети
Амурский переспелый виноград.
Пусть наши годы быстро пролетели,
Лесных черемух белые метели
Еще не раз над нами прошумят!

В мае 1858 г. в маньчжурском городе Айгуне был заключен договор, окончательно закрепивший левобережье Приамурья в составе России. В том же году царскими указами от 8 декабря 1858 года Приамурский край был поделён на две области: Приморскую и Амурскую — и был учреждён город Благовещенск. Большую роль в этом сыграл генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьев-Амурский.

ВИКТОР ЯГАНОВ

Баллада о Муравьеве-Амурском

К дальним землям,
Пушнинным и рудным,
За Байкал уводя казаков,
Сплавом шел
К берегам бесприютным
На привольный Амур Муравьев.
И, казацкую скинув папаху,
Говорил:
«Будем с миром идти,
И чтоб порохом дымным
Не пахло,

И не сеять вражду
На пути».
О добре
И Отечестве помня,
Наклонясь
Над студёной волной,
Он стакан,
Словно кубок,
Наполнил
За удачу
Амурской водой.

В Хабаровске, на берегу Амура стоит памятник графу Николаю Муравьеву-Амурскому, выдающемуся человеку, стараниями которого Россия закрепила за собой территорию Дальнего Востока. Автор скульптуры Александр Опекушин, он же автор известного памятника Пушкину в Москве.

ЕВГЕНИЯ ЩЕЛУКА

Взошёл в Москве на пьедестал
поэт великий русский,
а на востоке гордо встал
граф Муравьёв-Амурский.

В столице признанный поэт
в почёте и во славе
как символ Музы, в войнах лет
не снят, не обезглавлен.

Его же бронзовый собрат,
великих рук творенье,
был свергнут, временем распят
без страха и стеснения.

Быть тёзкой деспота-царя
и царским чином высшим?
Такого не прощали зря
Советы, даже бывшим.

Амурский памятник снесли...
И стан, что был разрушен,
заслуги графа не спасли
и имя «Опекушин».

И только город Петербург
хранил в музее Русском

модель и память первых рук
о бронзовом Амурском.

Хоть время не воротишь вспять,
но видно судят свыше —
и в бронзе памятник опять
на пьедестал свой вышел!

Трудился Аристов теперь,
достав макет из шкафа,
чтоб воссоздать нам без потерь
привычный образ графа.

Чтоб вновь на гладь Амурских вод
смотреть с народом вместе,
вернулся в город граф! И вот
стоит на том же месте!

И вновь уверен его взгляд
и мудрых мыслей полный,
назвал он много лет назад
границей эти волны!

Его здесь труд, и потому
граф встал на землю эту —
тропа не зарастёт к нему,
как и в Москве к поэту!